

чается воля... Вот они валяются по сходням и понесут важно свои тела, браслетки, часы, брелоки, парчи, бархатные платья, надетые, несмотря на жару. Все они в черном. Почему? Над ними такое ясное, великолепное небо, такое солнце, которому позавидует Индия!»

Первая часть автобиографического романа Вс. Иванова — это правдивое, во многом непринужденное и мастерски изложенное повествование. Можно понять восторг М. Горького, который писал автору после знакомства с «Похождениями факира»: «Какая прекрасная, глубокая искренность горит и звучит на каждой странице и какая душевная бодрость, ясность. Именно так и должен наш писатель беседовать с читателем, и вот именно такие беседы о воспитательном значении «трудной жизни», такое умение рассказать о ней, усмехаясь победительно, — нужно и высоко ценно для людей нашей страны».

Во второй и третьей частях роман «Похождения факира» утерял важную часть своих достоинств. И здесь, и на этих страницах романа, есть выразительные, яркие картины ушедшей в прошлое жизни, есть и интересные, реалистически выписанные и полные поэзии человеческие образы. Таков, например, эпизод ночной встречи героя с группой женщин-работниц на строительстве железнодорожного полотна и особенно чудесно написанный образ работницы Софьи — «женщины с медленными глазами». Ночная беседа Софьи с засыпающим от утомления юношей — героем романа — составляет одну из поэтичнейших страниц во всей прозе Вс. Иванова. Софья рассказывает герою обо всех запахах, которые она слышит в ночной степи, и в ее словах звучит голос самой природы и слышится любовь и тоска по счастью: «Полынь-то как пахнет, ты понюхай, парень. А вот перед росой так оно запахнет еще гуще. Я все эти травяные запахи далеко вижу. Они для меня никак не замалеваны... А вот дегтем запахло, мужик, должно быть, едет по тракту. Телеги не слышно, в колесах-то пыль да трава, и телега-то смазана густо, чтобы не скрипела, мужик-то, должно быть, разбойников боится, а дегтем-то как молодым несет, а мужик спит себе... А разве сейчас можно спать, а парень?»

Но в целом вторая и третья части романа получились неудачными. Вместо простоты и искренности, с которой написана первая часть, здесь ощущается явная литературная «заданность», формалистическая вычурность и усложненность, не отвечающая содержанию рассказа. Тем самым ослаблена и значительность самого содержания романа. Хотя в эпиграфе к третьей части и цитируются слова Г. Гейне о «духовной Индии», которую ищет человек, на самом деле ввиду новой легкой и искусственной манеры письма вся дальнейшая судьба героя и его друзей воспринимается менее серьезно, чем в первой части, — только как желание во что бы то ни стало «расшевелить равнодушный город». Повествование становится калейдоскопичным, и множество вновь появляющихся персонажей охарактеризовано чисто внешне. И даже эти внешние характеристики становятся излишне «остраненными», искусственно-оригинальными и по существу бессодержательными («Петр Петрович кружился в стороне.

Петр Петрович состоял из каких-то трудно описуемых кругов. У него большой круглый рот, круглые глаза, большие дымчатые и недоумевающие. От его неустанный хождения правильными кругами громадная площадь, которую я вижу в окне, кажется мне, также кружится вокруг церкви, а... деревянные тротуары кружатся вокруг площади»). Неоправданно усложняется общее строение вещи — в текст вмонтированы вводные новеллы, один из героев почему-то время от времени произносит целыми сериями бессмысленные анекдоты, не относящиеся ни к положению, в котором пребывают герои, ни к юмору, а только «остраняющие» обрисовку его скудного и однообразного внутреннего облика. Речь героев приобретает кокетливый и дендистский характер, опять-таки не принадлежащий, собственно, героям, а являющийся чисто литературным экспериментом автора («Петя Захаров ответил охотно: самовоспитание, а главное передача знаний из рода в род создали у Захаровых способность с первого взгляда заметить, какими достоинствами и недостатками обладает лошадь... это называется экстерьер»). Наконец экзотический элемент первой части романа, возникавший из «факирских» увлечений героя, становится во второй и третьей частях принципиальным экзотизмом, носящим уже искусственный, неправдивый, формалистский характер. Эти части романа, кроме того, перегружены, собственно, уже нелитературными страницами, содержащими сведения о факирстве и об Индии, а вместо той «победительной усмешки», о которой писал М. Горький, здесь господствует ирония, не позволяющая воспринять все описываемое в подлинном романтическом или драматическом его виде, но только с большой поправкой на «усмешку», происходящую от литературной позы. Все это знаменовало некоторый отход Вс. Иванова от реалистической простоты и правдивости, сказавшийся вскоре и еще на одном его произведении — пьесе «Двенадцать молодых из табакерки», получившей неодобрение М. Горького.

К теме гражданской войны возвращается Вс. Иванов в романе «Пархоменко», созданном им в 1937—1938 гг. в пору творческой зрелости. Это исторический роман об одном из славных героев гражданской войны, образ которого увлек писателя и тем, что на примере его жизни наглядно отразилась судьба народа в революции, шагнувшего из нищеты и полурабства к исторической активности и эпическим разворотам событий, в которых принимал участие герой. Наконец сама личность Александра Пархоменко — революционера и красного комдива — таила для писателя много очарования ввиду особой боевой удачливости, предприимчивости, силы и жизнерадостности, которые сопутствуют этому герою в истории гражданской войны, а также запечатленной в воспоминаниях современников душевной простоты и цельности Пархоменко, одного из любимых и храбрейших командиров Первой конной. Все это придает личности Александра Пархоменко своеобразно романтический ореол, несомненно привлекавший Вс. Иванова как художника, ищущего ярких впечатлений и красочных картин.

Пархоменко изображен в романе многосторонне. Мы видим его